

Быть свободным художником —
непозволительная роскошь

С. Кухто

Порой складывается впечатление: о художнике и человеке Сергее Васильевиче Кухто я знаю всё. Но это не так! Он оставил после себя не только картины, но и дневники, письма, которые сегодня хорошо известны благодаря семье художника. Я знаком с творчеством Сергея Кухто. Часто и подолгу мне доводилось разговаривать о нём с людьми, хорошо его знавшими, с его знакомыми и приятелями. Называю этих людей «знакомыми и приятелями», поскольку ещё ни разу не встретил человека, который назвал бы себя другом художника. Дружбы, в общепринятом понимании, Кухто не водил ни с кем, и даже от самых близких людей порой отгораживался непреодолимой стеной творческого одиночества.

Что творилось в такие минуты? Рождался миф. Миф, который с полным правом можно назвать одним из самых удивительных и загадочных явлений художественной жизни

Витебска. Сегодня творчество Сергея Кухто — яркий пример белорусского постмодернизма, а за работы художника борются музеи и галереи. Благодаря таланту, внутреннему голосу, безошибочно уловившему его всё дальше к звёздам, Кухто сумел преодолеть установленные каноны, особо ощутимые в творческой среде провинциального города, и создать уникальный творческий мир, так и оставшись для всех загадкой.

Сергей Васильевич Кухто родился 22 апреля 1959 года в Витебске. Ро-

Домик в овраге

дители будущего художника были людьми далёкими от искусства, но мать, занимаясь с сыном, иногда рисовала ему. «Помню смутно: мы с матерью стояли возле окна, и она мне нарисовала жеребёнка, настолько хорошо, мне тогда показалось, что вот-вот он запрыгает на своих длинных ногах. Я был восхищён...» С того самого жеребёнка, а может быть, из нерастраченной сыновьей любви к рано ушедшей матери, которой не стало, когда мальчику было всего шесть лет, начался этот сложный, прекрасный путь.

К пятнадцатилетнему возрасту Кухто уже точно знал, чем хочет заниматься в будущем. В Минское художественное училище имени А. К. Глебова молодой человек пришёл поступать, обнимая толстую папку, в которой находились его работы. На большинстве из них были изображены лошади. Они скакали среди бескрайних полей, пробирались по глубоким сугробам, проваливаясь в тонкий наст по самое брюхо, отдыхали в тени раскидистых деревьев, стекались табунами к водопою. Эти сюжеты предстали отражением детских воспоминаний Сергея Кухто. С ранних лет мальчик любил путешествовать. После школы, забросив портфель, он шёл гулять по витебским дворам, играл среди оврагов, деревьев, полуразрушенных домов, каждый раз придумывая новую забавную фабулу этого путешествия.

С поступлением в Глебовку Сергей Кухто начал активно самосовершенствоваться, большую часть

Ноябрь. Озимые

свободного времени проводя в библиотеке, изучая художников. Постигая их технику, композицию, раскрывая секреты их живописи, он проводил эксперименты с красками, грунтами, растворителями и лаками, а отражение этих экспериментов находили место в записях, которые художник вёл непрерывно. Преподавателями Кухто стали Н. Ф. Прокopenко, преподававший рисунок, и К. Ф. Шестовский, учивший живописи и композиции. Многие жизненные позиции Кима Фёдоровича Кухто перенял и помнил их всю жизнь.

В целом же — главным учителем Сергея Кухто стал богатейший опыт мировой художественной культуры. С утра до вечера Сергей Васильевич копировал художников эпохи Возрождения — Жерико, Энгра, Рубенса,

Озеро Лосвида

Сезанна. Впоследствии, в технике сезановского «Арлекина», Кухто создаст автопортрет. Всегда он вдохновлялся ясностью и чёткостью работ Пуссена.

В блокноте девятнадцатилетнего художника составлен план по самообразованию, куда молодой человек включил геологию, биологию, историю происхождения Земли и жизни на ней, историю цивилизаций, искусств, философию и многие другие науки. Сергей Кухто изучал окружающее пространство, чтобы наполнить им работы. Через прошлое Земли — в будущее. К новым, неизведанным открытиям. В том же блокноте сохранились и дневниковые записи художника: «За утро я, бывает, наживаю по 15 км по окраинам, много нового увидал и передумал».

После учёбы была служба в армии на Дальнем Востоке, во время которой Сергей Кухто участвовал в строительстве станции «Урал II». Впереди шли те, кто прокладывал просеку, и временами художнику удавалось уходить далеко в сопки, оставаясь

наедине с собой.

Во время армейской службы художник был лишён возможности заниматься искусством, зато в части была богатая библиотека, и за годы службы Кухто перечитал многих литературных классиков, в том числе и белорусских. Несмотря на вынужденную отдалённость от творчества, размышления на тему искусства, его значения и значимости не оставляли его и в тот период: «Ведь это людям совсем или почти совсем не нужно. Даже мрамор не вечен, он разрушается от времени. А что картина... Ведь сравнительно скоро не станет ни Джоконды, ни Мадонны Конестабиле; всё равно они станут пылью, как их ни реставрирую... И ещё мне будет жаль Джоконду, но почти никто не думает жалеть женщину, которая была моделью к ней...»

К периоду службы в вооружённых силах можно отнести и первые упо-

Переправа

Переправа

минания о кентаврах, их появление в творчестве художника. В письмах к жене Кухто писал: «Хочу нарисовать кентавра со своим лицом и телом...»

Вернувшись в родной Витебск, Кухто принимается за одну из тех работ, которые называются решающими в жизни любого художника. Про «Обнажённую» Сергей Васильевич рассказывал жене: «Я написал “Обнажённую”, и мне особенно вчера было плохо. Я почувствовал, что очень одинок. Но мне не нужен был никто, и даже ты с сыном, и я не хотел ничего... Мне не нравится моя “Обнажённая”. Я случайно встретил Ивана и позвал его. Я предупредил его, что она мне не нравится. Когда он увидел её, обернулся и посмотрел на меня с недоверием... Он сказал, что всё написано хорошо, а тело — как живое. Он просто не понял... Если взять графическую идею, я убеждён, что она может висеть рядом с Джорджоне, Тицианом и их “Обнажёнными”. Но исполнена она до ужаса сносно... Я подозреваю, что мучаю тебя и мучаюсь сам из-за этого “сносно”».

Для художника было важно, что-

бы под снегом, написанным на холсте, зритель чувствовал живую землю, чтобы человек, который будет соприкасаться с его работой, чувствовал всё, даже дыхание персонажей, изображённых на ней. Тогда-то и понадобились в полном объёме изученные в юности геология, физика, биология. Для Кухто в работе не существовало мелочей. Не понравившаяся художнику работа уничтожалась, невзирая на время и силы, вложенные в неё. Судьба «Обнажённой» была решена. Работа была уничтожена, холст отмочен. А художник погрузился в размышления в поисках выхода. В то время в дневниках Сергея Кухто появляется запись: «Я сейчас переживаю трудное время, я всерьёз перестаю верить в то, что занимаюсь нужным делом, перестаю верить в себя... как realizator я — посредственный. Если бы я знал, что создал такую работу, как хотел, мне всё равно, чьё имя бы под ней стояло».

Побег

К своим работам художник относился чрезвычайно критически, считая их неоконченными. С этим можно связать нежелание Кухто продавать работы, передавать их в музеи или частные коллекции. Намного охотнее Сергей Васильевич дарил их людям, которых считал единомышленниками и чувствовал симпатию по отношению к себе.

О своём творчестве Кухто говорил: «Зря Бог дал мне кисточку, не в своё время я родился. С такими руками — только викингом быть и суда грабить». Большой, рослый, с тяжёлыми руками, из-за которых комплексовал, художник любил работать долотом, топором, рубанком. Но после такой работы руки грубели и отказывались выполнять тончайшую работу. А холст — звал. Кисти для Кухто привозили из Голландии, и тончайшие из них он выщипывал до единственного волоса, чтобы на холсте не было видно и следа мазка.

Полкан

Полкан с чижками

В отличие от живописи, резьба по дереву приносила доход, помогающий обеспечить семью и закончить ремонт мастерской, которой художник дорожил. Поэтому время от времени Кухто всё же брался за деревянные скульптуры. Однажды, во время изготовления одной из них, отлетевшая щепка повредила художнику глаз. Повреждение оказалось настолько сильным, что вопрос стоял о полной слепоте. Тогда, сражённый страшным диагнозом, Кухто впервые заговорил вслух об уходе. Жена художника, Раиса Кухто, вспоминает, как в те дни он просил её: «Сходи к врачу, узнай, буду ли я видеть. Если не буду, жить не стоит». Заключение врачей было неутешительным — зрение не вернётся. Но по возвращении домой Раиса утешила мужа, сказав: нужны занятия. Художник разработал для себя комплекс упражнений, и случилось чудо — он сумел восстановить зре-

ние в оставшемся глазу.

«Обнажённая» уничтожена, а вместе с ней и всё остальное. Жеребёнок из материнского рисунка и художник с детской, тонко чувствующей душой сливаются воедино — так произошло рождение витебского кентавра.

Сегодня, глядя на работы мужа, Раиса Кухто вспоминает: «Всё это было с нами — и снег, и овраги, и радуга... Мы же с ним постоянно куда-то шли, брели. Вдвоём, потом с маленьким сыном... Все эти странствия и пейзажи Сергей запоминал, а потом выкладывал на холст свою жизнь и душу... Однажды он мне сказал: «Неужели ты не видишь, что я иду, сжигая за собой мосты?» Я видела, и порой это пугало...»

Одиночество художника особенно остро отразилось в цикле его работ, рассказывающих о кентаврах. Мифические существа — мудрые, справедливые, наделённые силой и всегда стремящиеся к цели. Таким был и сам художник. Работы Сергея Кухто последних лет можно разделить по темам — «Детство Полкана» (1998), «Спящий Полкан» (1998),

Прекрасная провинциалка

«Полкан под выворотнем» (1992), «Полкан на охоте» (1998), «Полкан с чижками» (1998)/ Он охотится, отдыхает, размышляет, играет на лире, слушает птиц — герой один, но нет в этом одиночестве тоски.

В работах «Кентавр» (1992), «Сумерки» (1994), «Арлекин с деревянным мечом» (1995), «В конце зимы» (1998) образ Арлекина, одного из самых трагических (несмотря на устойчивое мнение) образов кукольного театра, даёт кентавру Кухто новое состояние. Существует ранний набросок, чудом сохранившийся среди бумаг, где художник наряжается в костюм Арлекина. Но сколь же разительно отличается от него работа «Домик в овраге», написанная в 1996 г. Герой этой работы может войти в дом и остаться в нём, но путь уже предначертан. При всём одиночестве художника, человек Сергей Кухто — одиноким не был. Его любили, а любовь вечна. Как вечны глаза, плывущие вместе с облаками.

Чувствуя внутреннее состояние мужа, Раиса Кухто всегда старалась поддержать его, помочь. Каким-то особым внутренним чутьём она предчувствовала тот успех, который

Полкан

Привал

ждёт его впереди. А он писал ей: «Ты просто слепо веришь в меня». Писал письма и создавал спутниц кентавров, наделяя их её чертами. В работах художника — «Прекрасная провинциалка» (1994–1995), «Майский брод» (1995), «Мутный брод» (1996), «Радуга» (1997), «Антоновские яблоки» — и в самом деле звучит тема земной спутницы кентавра, воплощение духовной любви. Он и она. Беззвучный диалог и знаки любви в обоюдном молчании, во встретившемся взгляде, букете первоцветов, наслаждении жизнью с её радостями и заботами. Любовь земная, но...

Несмотря на то что Сергей Васильевич всецело посвящал время творчеству, работа над картинами занимала много времени. На создание «Прекрасной провинциалки» у художника ушло шесть лет. На полотне кентавр приходит на свидание к девушке, принося букет сирени. Кухто дождался мая, ломал распустившуюся сирень и писал «ощущение» поздней весны. Спустя два дня букет увядал, тогда художник прино-

сил свежие цветы, и так повторялось до тех пор, пока сирень не отцвела. После этого работа поворачивалась лицом к стене и дожидалась следующего мая. С первыми цветами сирени Кухто вновь возвращался к ней. Раиса Кухто вспоминает: «Ему важно было писать с натуры. Для своей “Венеры перед зеркалом” он по всему городу искал старинное серебряное зеркало. Раздобыл настоящую лиру, которой приманивает птиц его “Полкан с чижками”. Нашивал листочки ясеня на ткань, чтобы получилась ясеневая накидка — символ чистоты. А свитер ромбами, который я связала, покрасив нитки ольховыми шишками, остался не на одной картине...» В мастерской Сергея Кухто висело два зеркала — перед ним и за спиной. Но иногда позировали знакомые...

Продолжают тему времён года работы «Метель» (1997), «Ноябрь. Озимые» (1995). Снег и ветер замечают следы путников, идущих вперёд, в неизвестность, но знающих: судьба наметила им дорогу, и от неё не уйти. На спутнице кентавра — ясеневая накидка, та самая, которую художник создавал в мастерской. На работе «Февраль» изображён кентавр, несущий ветку ясеня как знамя преданности и чистоты. Символическое начало объединяет работы «Переправа» (1992) и «Переправа» (1994–1997). Торопливая река жизни и спутница — муза художника, дарящая ему вдохновение, — объединяются, и необходим привал, чтобы набраться сил перед долгой дорогой.

Особое место в образах кентав-

У реки весной

ров Сергея Кухто занимает мифологический Хирон. В работах «Хирон со спартанками» (1993), «Воспитание Ахилла» (1995) художник вселяет в героя мудрость, склонность к молчанию, созерцанию, раздумьям. Последний раз Хирон появится в творчестве Кухто на работе «Хирон в стране гипербореев», написанной в 1996 г. Мифическая страна, населённая потомками титанов-прародителей, привлекала художника величием, а может быть — он просто в тайне надеялся: именно изгой-великаны смогут понять и оценить его творчество.

Понятно — подобная трактовка творчества субъективна. Каждый волен самостоятельно искать путь к таланту художника, посещая его выставки, ближе знакомясь с работами. Несмотря на то, что творческое

наследие Сергея Кухто не так уж и велико (художник уничтожил работы, выполненные до 1991 г.), каждая встреча с ним поражает новизной.

К ноябрю 1999 г. в жизни художника назревает новый творческий кризис: тема кентавров наскучила, а новые идеи теряются среди повседневной житейской суеты. Беспомощность — отняли мастерскую, которой Кухто дорожил и которую долгие годы создавал, наполняя её атмосферой собственного мира. Тогда, в самый драматический момент жизни, художник написал заявление в Белорусский союз художников. Членам творческого объединения полагалось иметь мастерские, и это был шанс вернуться в свой мир. Написал, но так с ним никуда и не пошёл, только сказал жене: «Всё равно там проголосуют против меня и сделают больно ещё раз». А она ничего не смогла на это возразить.

Хирон со спартанками

На протяжении нескольких лет художник периодически обращался к роману Джона Апдейка «Кентавр», где сюжетная линия реальных событий соединяется с мифологическими мирами. Литературный сюжет переплетается с жизнью читателя. Кентавр одинок и свободен, он мудр, спокоен, готов принять тот путь, который предназначали ему звёзды. Книга дочитана — кентавр уходит в книгу и в жизни. Звёзды позвали его, и он, не раздумывая, последовал за ними. Туда, где на бескрайних про-

С. Кухто

сторях полей и лугов, в вековых чащах, по берегам быстроводных рек гуляют его соплеменники. Ушёл художник, и родился миф.

Впрочем, не такой уж это и миф. Когда наступает вечер и комнату наполняют таинственные сумерки, над одним из его «Полканов» появляется месяц, неразличимый при ином освещении. А если внимательно приглядеться к «Прекрасной провинциалке», то различаются не только капли росы на цветках сирени, но и лёгкий майский ветер — края занавески там... да-да, слегка колышутся. И это не тщательно продуманный художником эффект, не какие-то там технологии, а именно то, о чём наше время засилья художественных концепций обычно молчит. Талант и мастерство...

Картины Сергея Кухто надолго не отпускают даже торопливого зрителя. Каждая история о кентаврах, рассказанная в его работах, — невероятный сюжет, рассказ о том, что было до и после мгновения, запечатлённого на работе, сюжет, который возникает сам собой. И вместе с этим остаётся недосказанность, которую художник предлагает зрителю домыслить и прочувствовать самостоятельно.